

ДВОРЯНЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА ОБ «УРОКАХ» ВОССТАНИЯ 1773-1775 ГГ.

С. Кочережко

5 курс, исторический факультет

Научный руководитель – проф. Э.Л. Дубман

В процессе и после подавления восстания «правительственный лагерь» и «привилегированный класс» не могли не задуматься об «уроках» бунта – выводах о необходимости приведения таких мероприятий, которые в будущем не позволят «пугачёвщине» повториться. Логическими основами выносимых «уроков» восстания стали дворянские представления о причинах восстания и его длительного успеха, а также о его последствиях (как правило, дворяне называли разруху и голод).

Изучение обширного комплекса опубликованных и архивных источников (было изучено около 700 деловых и личных писем, 20 меуаров и 2 государственных проекта) показало, что значительная часть дворянства не уделяла внимания «урокам» восстания. Этот вопрос ставили в основном участники подавления восстания и следствия над пугачёвцами, т.е. дворяне, столкнувшиеся с восстанием на государственном уровне. Наиболее систематически к вопросу об «уроках» восстания подошли П.И. Панин и М.Н. Волконский, П.С. Потёмкин (высказывали предложения государственных реформ) и П.С. Рунич в своих мемуарах (описывал своё отношение к проводимым реформам).

1. Проведение следствия с целью выяснения обстоятельств происхождения и распространения восстания.

2. Высшее дворянство, участвовавшее в подавлении восстания, пришло к выводу об обязательной помощи населению в преодолении главного последствия восстания – хозяйственной разрухи и голода. Здесь следует различать два объекта государственной помощи – «подлый народ» и дворянство. Высшие подавители восстания (П.И. Панин, П.М. Голицын) отмечали возможность новых бунтов из-за распространения голода. Что касается помощи пострадавшему от восстания дворянству и заводчикам, то «диктатор» карательных войск П.И. Панин сначала занимался ситуативной материальной помощью обратившихся к нему за помощью дворянам из выданных ему государственных средств, то потом разработал целый проект государственного дворянского банка, который бы оказывал массовую и систематическую поддержку дворянских хозяйств.

3. Главный вывод, сделанный дворянской элитой из «пугачёвщины», стало понимание необходимости внесения изменений в систему управления населением. Можно выделить три основных направлений преобразований. Во-первых, многие дворяне признавали необходимость *смены начальствующего кадрового состава на местах* (П.И. Панин разработал

схему переаттестации местных чиновников по итогам восстания). Во-вторых, элита дворян признавала неизбежность *реформы всей системы местного управления*. Признавая недостатки прежней системы, Я.Л. Брандт и М.Н. Волконский выдвигали проекты реформы на следующих принципах:

1. уменьшение размеров административно-территориальных единиц и численности их жителей при увеличении количества управляющих ими чиновников;
2. централизация власти в губерниях;
3. увеличение количества и улучшение состояния оборонительных сооружений и войск на местах.

Наконец, в-третьих, многие дворяне отмечали необходимость *борьбы с взяточничеством*. В первую очередь, это отмечали представители высшего руководства подавлением восстания: П.И. Панин и П.С. Потёмкин столкнулись с возобновлением мздоимства после усмирения восставших районов. Поэтому, П.И. Панин уже осенью 1774 г. начал масштабную борьбу со взяточничеством, приравнивая это преступление к участию в бунте и требуя лично к нему или к губернаторам приводить пойманных с поличным чиновников любого уровня и чина.

4. Изменение состояния яицких казаков, которые, согласно официальной позиции, и были виновниками восстания. П.С. Потёмкин на завершающем этапе борьбы с восстанием начал перепись яицкого казачества, а П.С. Рунич, описывая последствия бунта, упомянул искоренение Запорожской Сечи по предложению Г.А. Потёмкина.

5. Штрафные меры в отношении инородцев. П.И. Панин предлагал Екатерине II оштрафовать восставших башкир за нанесённый войскам ущерб «собранием лошадей для службы войску», но подчёркивал, что необходимо специальное исследование причин волнений инородцев и создал при оренбургской канцелярии «особую экспедицию к правлению тамошних пограничных и иноверческих дел».

6. Часть дворянской элиты, крайне не удовлетворённая поведением духовенства во время восстания, высказывалась за необходимость изменения не только состава, но и подготовки местных духовных чинов. Особенно ярко эта мысль выражена у П.И. Панина и П.С. Потёмкина.

7. Вопрос о смягчении крепостного гнёта относится к одному из самых непопулярных в дворянских источниках. Если Екатерина II в письме к А.А. Вяземскому указывала на необходимость «уменьшения жестокости и умерения человеческого роду настерпимого положения», то П.И. Панин, управляя пензенскими вотчинами князей Куракиных, стоял на кардинально противоположной позиции: за участие в бунте необходимо запретить сельские сходы крестьян и подачу их жалоб помещикам, пока крестьяне не придут в полное повиновение и не станут вновь систематиче-

ски нести повинности. Отступление крестьян от заданных правил должно немедленно и жёстко караться.

Таким образом, об уроках восстания высказывались не рядовые помещики, а лишь участники подавления восстания и следственных мероприятий, предлагая целую систему государственных мер с целью предотвращения повторения бунтов.

ТЕРРОР И ТАКТИКА ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПАРТИЙ РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННИКОВ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГГ.

Р. Пазин

4 курс, исторический факультет

Научный руководитель – проф. М.И. Леонов

В России в период революции 1905-1907 гг. ощущалась необходимость в создании партии, способной консолидировать деловые круги. Обнародование Манифеста 17 октября 1905 г. привело к появлению подобных партий, объединяющих либерально настроенных промышленников и предпринимателей. Так, Партия правового порядка (далее – ППП), выпустившая свое первое воззвание еще до опубликования Манифеста 17 октября, исходила из того, что страна нуждается в политической стабильности, поэтому насилие и произвол с чьей бы то ни было стороны должен, с их точки зрения, осуждаться. В разъяснениях положений программы партии фиксировалось, что для упрочения «нравственного авторитета государственной власти» необходимо провести «амнистию по политическим и религиозным делам» [1, с. 79].

В политическом терроре социалистических партий ППП видело огромную угрозу для обеспечения стабильности государства и проведению реформистского курса. Несмотря на проведение широкой амнистии по политическим и религиозным делам, крайние партии требовали освободить из заключения абсолютно всех политических преступников, что не устраивало деятелей из ППП, которые утверждали, что лозунг – «Политические преступники наказанию не подлежат!» – «великое недоразумение», вкоренившееся в умы граждан. Особо отмечалась характерная черта социального состава радикалов: «особенное сочувствие социалистические теории о грабеже частной собственности ... находят в среде осторожных обитателей и всех воров и разбойников». [1, с. 126-128]

Тактика ППП строилась на отрицании нелегальных методов политической борьбы. Так, Киевский ЦК партии утверждал, что «главной руководящей нитью членов партии должно быть твердое убеждение, что немедленное проведение в жизнь конституционно-правовых начал для блага народов Рос-